

• •

”

•

”

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2732>]

[:]

2002:

(.).

” // .
,96-109.

”
/ . .

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

**Модель идеального полководца в речи Цицерона
“О предоставлении империя Гн. Помпею”**

У каждого народа с более или менее сильными военными наклонностями и достаточно насыщенной военной историей складывается определенный идеал полководца. Комбинация составляющих его физических, морально-психологических, профессиональных и прочих критериев, при всей их инвариантности, обусловленной общей спецификой военной деятельности, всегда своеобразна, исторически конкретна, имеет свою внутреннюю логику и иерархию. Она определяется многими факторами: социальной и политической структурой данного социума, характером его военной организации, историческими традициями, общим уровнем духовного развития, идеологическими приоритетами и системой ценностей. Идеал военного лидера находит свое выражение в фольклорных и художественных образах, поэтических тропах, исторических мифах и преданиях, в оценках философов и историков, в официальной пропаганде и смутных чаяниях общественного мнения. Однако для его изучения особенно важны те тексты, в которых комплекс соответствующих качеств получает развернутую характеристику, идеологическое обоснование и военно-теоретическую интерпретацию.

Если в Древней Греции теоретическая разработка концепций военного лидерства, как и принципов военной науки вообще, была начата еще софистами и получила первое классическое воплощение в трудах Ксенофонта Афинского, прежде всего в его “Киропедии”, а позже была развита Полибием и авторами ряда полемологических трактатов [1], то в Риме концептуальное осмысление и эксплицитное формулирование идеала полководца мы находим прежде всего в произведениях Цицерона. В его обширном литературном наследии обнаруживается множество отдельных замечаний, суждений и размышлений о качествах идеального военачальника, непосредственно сопряженных с достоинствами государственного деятеля и гражданина. Между тем соответствующие взгляды великого римского оратора и мыслителя не привлекали еще должного внимания исследователей. Единственной известной мне работой, в которой специально анализируются эти воззрения, является книга Р.Комбэ [2]. Один из ее разделов посвящен рассмотрению понятий, составляющих то, что французский исследователь называет “идеологией победы”, подразумевая под ней, прежде всего, комплекс качеств, наличие которых в полководце обеспечивало, по мнению самих римлян, успехи римского оружия. Используя произведения Цицерона как один из главных источников ее реконструкции, автор подробно прослеживает различные нюансы его

словоупотребления, выявляет влияние на используемую им систему понятий философских идей, риторических и пропагандистских штампов, формул официальных победных реляций и сенатских постановлений, массовых представлений и римских военных реляций. Проведенный французским исследователем анализ, однако, не исчерпывает, на наш взгляд, всех аспектов столь обширной и важной темы, как цicerоновская концепция идеального полководца в контексте развития римской идеологии военного лидерства.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи детально исследовать всю совокупность оценок и взглядов Цицерона, я остановлюсь на рассмотрении только одного его текста — речи “О предоставлении империя Гн. Помпею” (или “За Манилиев закон”), которая содержит наиболее концентрированную и разностороннюю характеристику эталонных качеств римского полководца, являясь, по сути дела, первой в римской литературе попыткой теоретически сконструировать некую целостную модель идеального военного лидера. Р.Комбэ обоснованно обращается к ней как к одному из исходных пунктов своего анализа “идеологии победы” в I в. до н. э. и приходит к заключению, что высказанные в ней положения не были лишь выражением злободневной пропаганды и принадлежностью риторского дискурса, ориентированного на каноны эпидейктического красноречия и определенный круг философских идей о добродетели, адаптированных к римским социально-политическим условиям, но отражали как реальные представления той широкой аудитории римских граждан, к которой обращался оратор, так и постулаты официальной идеологии и ценностные представления самих солдат [3]. Вместе с тем для более глубокого понимания созданного в этой речи портрета идеального *imperator*’а, как и своеобразия концепции Цицерона в целом, необходимо обратить внимание на некоторые аспекты, не получившие освещения у французского историка, в частности, на внутреннюю иерархию и конкретное содержание использованных Цицероном категорий, их обусловленность конкретной ситуацией, а также на то, какие качества полководца и почему в данной речи не акцентированы либо вообще не упомянуты.

Прежде чем обратиться к анализу этих проблем, вспомним обстоятельства, исторический контекст и общее содержание этого выступления Цицерона, которое стало его первой чисто политической речью [4]. Она была произнесена на народной сходке в 66 г. до н. э., когда Цицерон, будучи претором и готовясь в скором времени вступить в борьбу за консулат, предпринял, как пишет С.Л. Утченко, “решительный и вместе с тем ловкий шаг — открытое публичное выступление в поддержку Помпея” [5], снискавшего к этому времени славу лучшего “генерала” республики. Как претор Цицерон воспользовался своим *ius contionem habendi* и

всей силой своего красноречия поддержал на народной сходке внесенный плебейским трибуном Г.Манилием законопроект. Согласно этого закона, Помпей, находившийся в то время в Киликии, облакался экстраординарным империем во всех азиатских провинциях и областях для завершения затянувшейся войны против Митридата, которую был не в состоянии вести консул Ман. Ацилий Глабрион, сменивший на посту командующего Л.Лициния Лукулла. Последний фактически разгромил понтийского царя, но оказался жертвой политической борьбы в Риме и не сумел наладить отношения с войском, точнее с так называемыми фимбрианцами, известными своим мятежным характером [6].

Главная цель Цицерона заключалась в том, чтобы доказать, что именно Помпей наилучшим образом подходит на пост командующего в очередной кампании против Митридата. Аргументируя этот тезис, в основной части речи (*probatio*) (§§ 6–48) оратор указывает прежде всего на особый характер этой войны, которая угрожает не только чести римского имени и благосостоянию союзников, но также затрагивает имущественные интересы всех римских граждан. Подчеркивая далее, что ведение ее сопряжено с особыми трудностями и опасностями, Цицерон, однако, сознательно обходит тактичным молчанием те факты мятежного поведения легионов, с которыми столкнулся Лукулл. Примечательно также, что достоинства Лукулла, своего личного друга, Цицерон всячески превозносит, называя его храбрым, многоопытным мужем и великим императором [7], а Глабриону вообще не дает никакой оценки. Поэтому нижеследующая панегирическая характеристика Помпея строится не на его противопоставлении конкретным его предшественникам на посту командующего, а на подчеркивании его превосходства вообще над всеми полководцами современности и древних времен [8]. Цицерон, можно сказать, вполне явственно дает понять, что видит в Помпее живое воплощение идеала. Такой подход позволяет автору речи в известной степени подняться над агитационно-пропагандистской злобой дня, избежать излишней демагогии и во всеоружии риторической техники представить достаточно целостную концепцию идеального полководца, которая опирается на обобщенные римского исторического опыта и акцентирует традиционно-римские представления, переводя на язык Форума некоторые этико-философские категории. В то же время Цицерон не может не учитывать настроения и подспудные желания аудитории, актуальный контекст внутри- и внешнеполитической ситуации, личностные особенности Помпея. Однако при всей восторженной идеализации последнего Цицерон хорошо понимал, что его “вознесли столь высоко не только его собственные доблести, но и чужие пороки” (23.67) [9].

Какими же качествами и достоинствами должен, по мнению Цицерона, обладать *summus imperator*? Оратор подразделяет их на четыре кате-

гории и дает каждой из них подробную характеристику. Это — *знание военного дела, доблесть, авторитет, удачливость* [10]. Обращает на себя внимание прежде всего помещение на первое место *scientia rei militaris*. Отмечая, что это качество никогда не фигурирует ни в официальных формулах, ни в сочинениях Цезаря, Комбэ усматривает в его употреблении влияние, с одной стороны, риторики, которая отождествляла *scientia* с рассудительностью (*prudentia*), включая последнюю в перечень нормативных общеморальных качеств наряду с *iustitia*, *fortitudo* и *modestia*, а с другой — пропаганды [11]. Но этих в целом верных наблюдений не достаточно, чтобы объяснить, какое значение придает Цицерон понятию *scientia rei militaris* в контексте данной речи. Представляется, что смысл тех пассажей, в которых раскрывается характер военных познаний и опыта Помпея, заключается в том, чтобы противопоставить исконно римский способ постижения военной науки непосредственно в боевой практике тому явлению, что получило распространение среди части римской знати и заслужило категорическое осуждение в речи Гая Мария в *Bellum Iugurthinum* Саллюстия [12]. Цицерон напоминает слушателям, что Помпей еще совсем юным, оставив школьные занятия, отправился во время Союзнической войны к войску своего отца в школу военной службы [13]. Следующая фраза прямо перекликается со словами Мария у Саллюстия: Помпей, говорит оратор, “больше войн знает по личному участию в них, чем другие — по описаниям в книгах (*plura bella gessit quam ceteri legerunt*)... в своей юности изучал военную науку не по чужим наставлениям, а начальствуя сам...” (*cuius adolescentia ad scientiam rei militaris non alienis praecceptis, sed suis imperiis... est erudita*). Нормативность такого рода военного образования Цицерон подчеркивает также и в речах “За Фонтея” (§ 43) и “За Корнелия Бальба” (§ 47). Возможно, в таком противопоставлении содержится намек на Лукулла, который, по свидетельству самого Цицерона, отправился из Рима в Азию, будучи несведущим в военном деле, но благодаря отчасти консультациям у опытных людей, отчасти чтению исторических сочинений, прибыл к месту назначения готовым императором [14]. Кроме того, учитывая, что Цицерон выделяет в *scientia* исключительно практический аспект и подчеркивает разнообразие тех кампаний, в которых участвовал и командовал Помпей [15], можно полагать, что знание военного дела поставлено на первое место еще и связи с предыдущей частью речи, где были отмечены специфические особенности войны на Востоке, требующие разносторонней опытности полководца.

Центральное место в характеристике нормативных качеств полководца занимает понятие “доблести” (*virtus*), ключевая и наиболее емкая категория римской системы ценностей [16]. Разумеется, воинская и полководческая доблесть Помпея (*bellandi virtus, virtus imperatoris*) опреде-

квартирах меньше страдают мирные граждане и союзники, которых не принуждают нести расходы на содержание солдат (13.37-39) [21]. Воздержанность есть также условие быстрых передвижений и действий полководца, которого не отвлекают от намеченного им пути ни алчность к добыче, ни удовольствия, ни достопримечательности городов, ни усталость (14.40). Очевидно, Цицерон делает такой акцент на *celeritas* в расчете снискать дополнительные симпатии слушателей, ибо в момент произнесения речи у всех была перед глазами та невероятная быстрота, с какой Помпей совершил кампанию против пиратов, и многие в Риме уповали на столь же быстрое завершение долгой войны на Востоке [22].

Отдавая себе отчет в том, насколько важны отношения с союзниками при ведении масштабной войны на отдаленном театре военных действий, Цицерон под соответствующим углом зрения трактует и такие качества, как *facilitas*, *fides*, *auctoritas* и *humanitas*. Так, доступность Помпея проявляется в том, что любой, даже незнатный, человек может легко пожаловаться ему на обиду (14.41); его *fides* даже враги считают *sanctissima* (14.42), а человечность (доброжелательность) его “столь велика, что трудно сказать, более ли боялись враги его мужества, сражаясь против него, или же ценили его мягкосердечие, будучи им побеждены” [23]. В высшей степени примечательно, что в одной связке с этими высокими морально-политическими достоинствами Цицерон называет также ум и ораторское дарование Помпея (*consilium* и *dicendi gravitas et copia*), причем в последнем заключается, по выражению Цицерона, “некое императорское достоинство” (*in quo ipso inest quaedam dignitas imperatoria*) [24]. Исходя из общего перечня качеств, сопутствующих воинской доблести, можно полагать, что *consilium* в сочетании с красноречием конкретизирует понятие *ingenium*.

Далее оратор останавливается на третьем компоненте своей модели идеального императора — *auctoritas* (15.43-46) [25]. Подчеркивая, что “авторитет” имеет большое значение в ведении военных действий и военном командовании (*in bellis administrandis multum atque in imperio militari valet*), Цицерон в данном случае имеет в виду почти исключительно военно-дипломатическую сферу, понимая под *auctoritas* ту репутацию в глазах союзников и врагов, которая обеспечивается прежними выдающимися деяниями полководца и поручением ему ответственных и почетных государственных постов. Таким авторитетом можно, по мнению Цицерона, добиться не меньших успехов, чем доблестью. Речь, таким образом, не идет о той *summa auctoritas apud milites*, которая относится к отношениям полководца с его войском и которую Цицерон отмечает, говоря, в частности, в Марке Петрее [26], а также о Тите Лабиене (*Ad Fam. XVI.12.4*) и о престиже Октавиана в войсках (*Phil. III.3.7; X.10.21; XI.8.20; Ad Fam. X.28.3*). Как справедливо отмечает Р.Комбэ,

основанные на моральном авторитете и доверии отношения между солдатами и полководцем, несомненно, существовали в лагере, но официальная пропаганда придавала им значение лишь в исключительных случаях, поскольку считалось, что при нормальных условиях военачальник обеспечивает повиновение войск в силу тех полномочий, которыми он официально обладался, тогда как *auctoritas* предполагала добровольное подчинение тому, кто действительно достоин доверия и уважения [27]. Любопытно, что сам Цицерон, добившись на посту наместника Киликии определенных военных и дипломатических успехов, приписывает себе *auctoritas* именно в том смысле, в каком он трактует “авторитет” Помпея (Ad Att. V.20.6; Ad Fam. II.10.2). Такое понимание авторитета резонно связывать с тем фактом, что римский наместник в провинции, выполняя одновременно и административные и военные функции, должен был не только побеждать, но также управлять и организовывать, чтобы защитить завоеванное и использовать его как базу для новых походов [28].

Что касается *felicitas* (удачливости) Помпея, то Цицерон трактует ее в духе, характерном для его времени, — как сугубо харизматическое качество, увязывая высокое положение, славу и успехи военного лидера с благоволением и промыслом богов (16.47). В эпоху Цицерон (а возможно, еще и ранее, во II в. до н.э.) именно индивидуальная *felicitas/fortuna* императора, а не его *auspicium* (через которое выражалась воля богов) выдвигается в качестве приоритетного компонента римской идеологии победы, образуя вместе с *virtus* ключевую пару понятий [29]. Не случайно и сам Цицерон, ссылаясь на пример Фабия Максима, Марцелла, Сципиона, Мария и других великих римских полководцев, подчеркивает, что им вверяли командование не только ввиду их доблести, но и ввиду их счастливой судьбы (*propter fortunam*). В целом же к цicerоновскому пониманию *felicitas*, хотя в данной речи оно и не эксплицируется, можно, наверное, приложить также определение Г.С.Кнабе, который трактует эту категорию как “точку схода объективной предопределенности и личной инициативы”. В образе же богини *Felicitas*, с точки зрения Г.С.Кнабе, “полнота жизненной силы, везение и доблесть, многообразно взаимодействуя, сливались во внутренне расчлененное, но в конечном счете единое понятие” [30]. Несомненно, прав и Р.Комбэ, указывая, что *felicitas* в сочетании с *virtus* выходят на первый план именно в тот момент, когда, в условиях расширения римских завоеваний увеличивается независимость полководца от сената, а в результате реформы Г. Мария солдаты оказываются связаны скорее с личностью своего командующего, чем с предоставленной ему должностью [31]. Соответствующая концепция получила в I в. до н.э. распространение и признание на всех уровнях римского общества — от военного лагеря до сенатской курии и Форума [32]. Примечательно, что и сам Помпей в построенном им в 55 г. до н.э. театре, освятил

храм, в котором жертвы приносились Veneri Victrici, Hon(ori), Virt(uti), Felicitati (CIL. I², p. 217).

Подводя итог своим рассуждениям, Цицерон еще раз акцентирует единство четырех слагаемых образа истинного императора, при этом каждое из соответствующих качеств Помпея он наделяет весьма комплиментарным эпитетом: *belli scientia* определяется как *eximia*, *virtus* — как *singularis* (ср. 22.64), *auctoritas* — как *clarissima*, *fortuna* — как *egregia* (16.49).

Заключительную часть речи Цицерон посвящает опровержению доводов противников назначения Помпея, возражавших против Манилиева закона исключительно по политическим мотивам, указывая, в частности, на неконституционность и опасность предоставления всей полноты власти одному человеку. Цицерон же, помимо ссылок на прецеденты (в том числе и относящиеся к самому Помпею) и на мнение авторитетных государственных мужей, высказывает два примечательных суждения. Возражая мнению Гортензия, что при всех достоинствах Помпея все же не следует предоставлять всю полноту власти одному человеку, он заявляет: “Устарели уже эти речи, отвергнутые действительностью в гораздо большей степени, чем словами” (17.52). Под “действительностью” имеется в виду успешное решение Помпеем проблемы пиратства благодаря сосредоточению в его руках беспрецедентных полномочий. В ответ же на позицию Кв.Катула, считавшего, что не следует поступать вопреки примерам и заветам предков, Цицерон, используя классическую фигуру умолчания, восклицает: “Не стану здесь говорить, что предки наши во времена мира всегда руководствовались обычаем, а во времена войны — пользой государства и всегда прибегали к новым мерам, если этого требовали новые обстоятельства” (20.60). Далее в пример приводятся Сципион Эмилиан, Гай Марий и сам Помпей, получивший империй еще совсем молодым человеком и справивший триумф, являясь всадником. Подобного рода высказывания могут, на наш взгляд, свидетельствовать, что аргументы в пользу “принципата”, т.е. широкой по своим полномочиям власти одного лица, обладающего соответствующей личной харизмой и *auctoritas*, в немалой степени обуславливались насущной необходимостью решения масштабных военных проблем и угроз, против которых республиканские установления оказывались малоэффективными.

Излишне говорить, что нарисованный Цицероном портрет Помпея почти полностью лишен индивидуально-самобытных черт. Однако сформулированный в речи идеал полководца не сводится только к набору банальных литературно-риторических топосов и официально-пропагандистских штампов, непосредственно не связанных с действительностью. Еще менее является он отвлеченным теоретизированием. Возможно, лучшим подтверждением жизненности этого идеала является

тот факт, что сам Цицерон, оказавшись во главе провинции, *armatus foris*, не без успеха стремился действовать в соответствии с теми критериями, которые обозначил в начале своей политической карьеры. В данной речи, при всем очевидном влиянии на ее идеи эллинистических теорий [33], мы имеем дело с такой конструкцией идеального полководца, в которой объединены и продуманно структурированы базовые компоненты римской идеологии военного лидерства, изоморфные римской римской системы ценностей и хорошо знакомые слушателям Цицерона. Предложенная оратором комбинация и разработка соответствующих компонентов, несомненно, была созвучна представлениям и настроениям его аудитории.

Первенствующее положение в предложенной Цицероном тетраде занимают не столько собственно военные качества и критерии, сколько универсальные морально-политические парадигмы и категории синтетического характера — *virtutes animi* и *auctoritas*, которые равным образом требовались и в гражданской жизни, и на войне [34]. Цицерон явно отдает дань традиционным установкам римского общественного сознания, когда подчеркивает, например, сугубо практический характер военных познаний и опыта Помпея или его безупречную личную честность и незапятнанную репутацию [35]. В то же время текст речи указывает на ряд новых тенденций, все более укоренявшихся в коллективной ментальности и официальной идеологии. Они обнаруживаются в трактовке *felicitas*, в которой акцент делается на индивидуальной харизме, а также в принципиальном признании идеи об эффективности неконституционного единовластия в определенных военно-политических ситуациях. Все эти акценты, приоритеты и тенденции с еще большей наглядностью и конкретностью могут быть раскрыты при привлечении всей совокупности текстов Цицерона и их сопоставлении с высказываниями других авторов, как современных Цицерону, так и более поздних. Но это — тема специального исследования.

Закljučая же данную статью, обратим внимание только на те качества идеального полководца, которые Цицерон в рассмотренной речи обходит молчанием. Прежде всего, в структуру и логику этой речи, обращенной к народной сходке, по всей видимости, не вписывалось упоминание о знатности происхождения полководца, которая в Риме традиционно рассматривалась как значимый критерий при выборе военачальников [36] и в некоторых случаях подчеркивалась самим Цицероном (см., например: *Pro Font.* 18.41; *Pro Sest.* 9.21; 65.136-137). Ничего не сказано и о характере взаимоотношений Помпея с войском, о его умении снискать популярность среди солдат и в то же время быть твердым перед лицом их мятежного своеволия (см., например: *Frontin. Strat.* IV.5.1; *Plut. Pomp.* 14), а также о его воинских умениях, которыми он отличался с юности и кото-

рыс сохранил до последних лет жизни (Plut. Pomp. 64; Veget. Erit. I.9=Sall. Hist. II.19 M; App. B. civ. II.49). Не приводит Цицерон и конкретных примеров личной храбрости Помпея, никак не конкретизирует применительно к сфере военной деятельности и такие понятия, как *consilium*, *ingenium*, *providentia*. Возможно, все эти аспекты просто не представлялись Цицерону достаточно значимыми с точки зрения общего контекста и замысла данной его речи, предполагавших выдвижение на первый план таких качеств и сторон деятельности императора, которые были связаны с решением в первую очередь политических и дипломатических проблем. Труднообъяснимым, исходя из такого замысла, представляется, однако, отсутствие в тексте категории *animi magnitudo* (величия духа), которую Цицерон нередко использует в схожих контекстах. В целом же анализ речи “De imperio Cn. Pompei” еще раз убеждает в принципиальном совпадении, почти полной тождественности понятийного аппарата, используемого римскими идеологами для описания и оценки социально-значимых качеств как в военной, так и общественно-политической сферах, которые в республиканском Риме фактически не отделялись друг от друга и в понятии империя высших должностных лиц, и в традиционных представлениях о достойном служении отечеству.

Примечания

1. См., например: Xen. Cyr. I.6.7-43; ср. Memor. III.1-4; Ages., *passim*; Polyb. IX. 12-20. О развитии античной военно-теоретической мысли в целом см.: **Кучма В.В.** Очерк античной военно-теоретической литературы // Он же Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 11-36; **Нефедкин А.К.** Античная военная теория и “Стратегемы” Полиэна // Полиэн. Стратегемы: Пер. с греч. под общ. ред. А.К.Нефедкина. СПб., 2002. С. 39-56. Специально о Ксенофонте как военном теоретике см.: **Денике Ю.** Ксенофонт и начало теории военного искусства // ЖМНП. Ч. 64. Июль 1916. С. 233-264; **Дорофеева В.А.** Аристократический идеал воина и стратега в трактате Ксенофонта “Анабасис” // Древний Восток и античный мир. 2. М., 1999. С. 50-59; **Wood N.** Xenophon’s Theory of Leadership // *Classica et mediaevalia*. 1964. XXV.1-2. P. 33-66.
2. **Combès R.** *Imperator. (Recherches sur l’emploi et signification du titre d’imperator dans la Rome républicaine)*. P., 1966. Статья J.Gruber’a (Cicero und das hellenistische Herrscherideal. Überlegungen zur Rede “De imperio Cn. Pompei” // *Wiener Studien*. N. F. 1988. Bd. 101. S. 243-258) посвящена, скорее, общеполитическим, а не собственно военным аспектам созданного Цицероном идеала.
3. *Ibid.* P. 222; 231 *suiv.*
4. Подробнее см.: **Зелинский Ф.Ф.** Речь за Манилиев закон о назначении Гн. Помпея полководцем // М.Туллий Цицерон Полное собрание речей в

- греков”. Ср.: *Ibid.* 85.13: “То, о чем они обычно слышат или читают, я либо видел, либо совершил; чему они научились из книг, тому я — ведая войны” (пер. В.О.Горенштейна).
13. *De imp. Cn. Pomp.*: “... e ludo atque e pueritiae disciplinis bello maximo... ad patris exercitum atque in militiae disciplinam profectus est”. Перевод В.О.Горенштейна “для прохождения военной службы” в данном контексте не совсем точен. Здесь значимо именно противопоставление *pueritiae disciplinae* и *militiae disciplinae*.
 14. *Cic. Acad. II.1.2*: “partim in percontando a peritis, partim in rebus gestis legendis, in Asiam factus imperator venit, cum esset Roma profectus rei militaris rudis”. Данный отзыв о Лукулле имеет, скорее, одобрительно-ироничный характер, но Цицерон в нем явно погрешает против истины, игнорируя тот военный опыт, который Лукулл приобрел в качестве проквестора во время кампании Суллы в Азии (*Plut. Lucul.* 3-4). Ср.: **Campbell B.** *Teach Yourself How to Be a General* // *JRS.* 1987. 77. P. 21, not. 48. Кстати сказать, и сам Цицерон (чей военный опыт ограничивался лишь одним годом службы во время Союзнической войны), став наместником Киликии и ведя военные действия, зачитывался, по собственному признанию, “Киропедией” Ксенофонта (*Ad Fam. IX.25.1*).
 15. По словам Цицерона (*De imp. Cn. Pomp.* 10.28), многочисленные войны с самыми разными противниками, на разных театрах военных действий доказывают, что с точки зрения военного опыта нет ни одной области, которая не входила бы в круг познаний Помпея (... *nullam rem esse... in usu militari, quae huius viri scientiam fugere possit*).
 16. Римской *virtus* посвящена огромная литература. См., в частности: **Earl D.** *The Moral and Political Tradition of Rome.* L.; Southampton, 1970; **Eisenhut W.** *Virtus Romana. Ihre Stellung im römischen Wertsystem.* München, 1973; **Sarsila J.** *Some aspects of the concept of virtus in roman literature until Livy.* Jyväskylä, 1982.
 17. Показательно, что качества, относящиеся ко второй группе он называет *huius administrae comitesque virtutis* (“помощники и спутники этой [sc. полководческой] доблести”).
 18. **Утченко С.Л.** Две шкалы римской системы ценностей // *ВДИ.* 1972. № 4. С. 20. Ср.: Он же. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н.э.). М., 1952. С. 55-56.
 19. **Утченко С.Л.** Еще раз о римской системе ценностей // *ВДИ.* 1973. № 4. С. 43 сл. Относительно терминологии см. материалы, собранные и проанализированные в книге: **Hellegouarc’h J.** *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république.* P., 1963.
 20. Ее, по словам оратора, Помпей избавил от опасностей, “не ужасами войны, но быстротой [своих] решений” (11.30: *non terrore belli, sed consilii celeritate*).
 21. Ср. 5.13: “... мы обычно посылаем в провинцию обличенными империем

- таких людей, что — даже если они и защищают ее от врага — все же их приезд в города союзников мало чем отличается от захвата врагом; Помпей же... так воздержан, так мягок, так добр (*tanta temperantia, tantaque mansuetudine, tanta humanitate*), что люди считают себя тем счастливее, чем долее он у них остается”.
22. Ср.: **Combès R.** *Op. cit.* P. 228.
 23. Cic. *De imp. Cn. Pomp.* 14.42: “Humanitate iam tanta est, ut difficile dictu sit utrum hostes magis virtutem eius pugnantem timerint an mansuetudinem victi dilexerint”.
 24. Ср. хвалебный отзыв о красноречии Помпея в диалоге “Брут” (68.239): “Мой ровесник Гней Помпей, человек рожденный для великих свершений, заслужил бы сугубую славу своим красноречием, если бы жажда еще большей славы не увлекала его к воинским подвигам. Речь его была обильна, он умел видеть суть дела; что же касается исполнения, то голос его обладал необычайной звонкостью, а движения — величайшим достоинством” (пер. И.П.Стрельниковой). Исходя из общего перечня качеств, сопутствующих воинской доблести, можно полагать, что *consilium* в сочетании с красноречием конкретизирует понятие *ingenium*.
 25. О значении этой категории в политической концепции Цицерона см.: **Камалутдинов К.Я.** Цицерон о роли и месте *princeps* в политической системе римского общества (по материалам трактата “О государстве”) // АМА. Вып. 6. Саратов, 1986. С. 26, примеч. 47, с литературой.
 26. М.Петрей — известный военачальник, который в качестве легата Гая Антония разбил в решающем сражении Катилину, а впоследствии был легатом Помпея и покончил собой после поражения помпеянцев под Тапсом (Cic. *Pro Sest.* 5.12; ср.: *Sall. Cat.* 59.6).
 27. **Combès R.** *Op. cit.* P. 234, со ссылкой на: **Hellegouarc’h J.** *Op. cit.* P. 302.
 28. *Ibid.* P. 233.
 29. *Ibid.* P. 208-222, особенно P. 214-215. См. подробнее: **Eisenhut W.** *Op. cit.* S. 121-124; **Erkell H.** *Augustus, Felicitas, Fortuna.* Göteborg, 1952; **Wagevoort H.** *Felicitas Imperatoria.* Leiden, 1954; **Wistrand E.** *Felicitas imperatoria.* Göteborg, 1987. Изучая надпись 190 г. до н.э. Л.Эмилия Регилла, цитируемую Ливием (XL.52.5), в которой к традиционной формуле *auspicio imperioque* добавлено *felicitate ductaque eius*, М.Леви писал даже о том, что в таком дополнении, а позже и замене *auspicium* на *felicitas*, проявилась “религиозная революция”, которая уже в эпоху Сципиона Старшего знаменует “переход от Республики к Принципату”. (Цит. по: **Combès R.** *Op. cit.* P. 210, not. 52).
 30. **Кнабе Г.С.** Рим Тита Ливия — образ, миф, история // **Ливий, Тит.** История Рима от основания Города. Т. III. М., 1993. С. 624-625; 631.
 31. **Combès R.** *Op. cit.* P.212-213.
 32. *Ibid.* P. 215.
 33. См.: **Gruber J.** *Op. cit.*
 34. Ср. слова Катона Младшего, обращенные к Цицерону во время его наме-

стничества в Киликии (50 г. до н.э.): "... радуюсь тому, что твоя доблесть, неподкупность, заботливость, которые ты обнаружил при чрезвычайных обстоятельства — в Риме одетый в тогу, вооруженный на чужбине — проявляются с одинаковой настойчивостью" (Ad Fam. XV.5.1; ср.: Cic. De off. I.22.78).

35. Ср. позицию того же Катона, для которого при назначении почестей императору важны были не столько его деяния, сколько "нравственность, распоряжения и образ жизни" — non tam res gestas quam mores, instituta atque vitam imperatorum (Cic. Ad Fam. XV.4.14).
36. См.: **Махлаюк А.В.** Nobilitas ducis в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Вып. 7. Н.Новгород, 2001. С. 75-90.

А.Р. Панов

МЕСТО БОСПОРА И АРМЕНИИ В РИМСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА ВОСТОКЕ (I в. до н.э. – I в.н.э.)

Идея определенного сходства политики Рима в отношении Боспора и Армении высказана уже давно. Так Н.А. Машкин в своем фундаментальном труде "Принципат Августа" пишет, что в боспоро-римских отношениях много общего с римско-армянскими, и главное отличие между ними исследователь видит в том, что "в армянских делах Рим сталкивался с Парфией, а на Боспоре у Рима не было конкурентов" [1]. Представляется возможным развить и дополнить данный тезис, рассмотрев взаимоотношения Рима с Боспорским царством и Арменией в период поздней Римской республики и раннего принципата.

Включение Боспора и Великой Армении в сферу непосредственных римских интересов произошло примерно в одно и то же время – в первой трети I в. до н.э., в ходе митридатских войн. Это было время доминирования в прионтийском регионе двух держав: Понтийского царства Митридата VI Евпатора и Великой Армении Тиграна II. Два этих царя фактически контролировали все земли поблизости от Понта, и предел их могуществу сумели установить только римляне [2]. Боспор в ту эпоху входил в состав Понтийской державы и потому был вынужден следовать в фарватере политики Митридата. Наместником боспорских земель являлся сын царя Махар [3].

Примечательно, что оба монарха в знак своих успехов приняли титул "царь царей" [4], и своей внешней политике они нередко действовали рука об руку, помогая друг другу. Например, в отношении Каппадокии они проводили согласованную политику, направленную против Рима и его ставленников на каппадокийском престоле [5]. Правда, Тигран не был